

зв'язків. Викладенні у статті положення можуть бути використані для розробки проблеми зв'язків у текстовій аномалії.

Л і т е р а т у р а :

1. М.А.К. Halliday, R. Hasan Cohesion in English. – London, 1976.
2. Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). – М., 1990.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. – М., 1986.
4. Бреус Е. В. Теория и практика перевода с английского языка на русский, ч. 1. – М., 2001.
5. Витренко А. Г. Переводческий язык и грамматика текста // Вопросы филологии. – № 3. – 1999.
6. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М. : “Наука”, 1981.
7. Москальская О. И. “Грамматика текста”. – Москва : Высшая школа, 1981. – С. 21.
8. Хартунг Ю. Гипертекст как объект лингвистического анализа / Ю. Хартунг, Е. Брейдо // Вестник Московского ун-та, Сер. 9, Филология. – 1996. – № 3. – С. 61-77.
9. Хлебникова И. Б. К проблеме средств связи между предложениями в тексте (на материале английского языка) // Языкознание.
10. Эпштейн В. Л. Введение в гипертекст и гипертекстовые системы / В. Л. Эпштейн [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ipu.rssi.ru/publ/epstn.htm>.
11. [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ncstu.ru/content/docs/pdf/conf/past/2003/4st/14/01.pdf>
12. [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://sitim.sitc.ru/conferences/ntfe/clauses/2/xcb.html>
13. [электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.utmn.ru/frgf/No6/text14.htm>

Статья содержит основные определения когезии, когерентности и гипертекста, рассматривает важнейшие средства когезии (связи), как неотъемлемой части гипертекста. Охарактеризованы основные идеи применения особых видов связи, обеспечивающих континуум, т.е. логическую последовательность.

Ключевые слова: Гипертекст, когезия, когерентность, гиперссылки, референция, субституции, эллипсис, конъюнкция, лексическая когезия.

This article contains basic definitions of cohesion, coherence and hypertext, considers the most important means of cohesion (links), as an integral part of hypertext. The basic idea of applying a special kind of link, providing a continuation, a logical sequence.

Keywords: Hypertext, cohesion, coherence, hyperlinks, reference, substitution, ellipsis, connection, lexical cohesion.

Кравцова Ю. В.
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ МИРА В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ПРОЗЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В статье представлены результаты гендерного исследования метафорики русской поэзии и прозы первой половины XX в. На основе сопоставительного анализа произведений А. Ахматовой, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Цветаевой, А. Белого, М. Кузмина, Б. Пастернака, И. Сельвинского выявлены и описаны общие принципы и специфические гендерные стратегии метафорического моделирования мира в художественной литературе данного периода.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель и мегамодель, метафорическое моделирование мира, гендер, женская и мужская поэзия и проза.

Активизация исследовательского интереса к гендерным проблемам в разных областях научного знания (психологии, философии, истории, социологии, культурологии, литературоведении, лингвистике и др.) способствовала формированию

междисциплинарного направления – гендерологии. Гендер (термин Р. Столлера, 1960-е гг.) обычно понимается как социокультурный конструкт, связанный с приписыванием индивиду определенных качеств и норм поведения на основе его биологического пола, как объективно существующая совокупность определенных социальных конструкций и система их репрезентаций в сознании личности. Термин “гендер” призван “подчеркнуть не природную, а социокультурную причину межполовых различий” [9, с. 19].

Гендер как объект лингвистических исследований сформировался в американском и западноевропейском языкознании во второй половине XX в. В восточнославянской лингвистике собственно гендерные исследования появились лишь в середине 90-х гг. XX в. (Е. И. Горошко, Е. А. Земская, А. В. Кирилина, Н. Н. Розанова и др.), активное развитие которых способствовало появлению нового, несколько отличающегося от американских и западноевропейских течений, научного направления по изучению гендерных аспектов языка и коммуникации – лингвистической гендерологии, или гендерной лингвистики. Она рассматривает такие проблемы, как значимость гендерного подхода в языкознании, роль гендера в формировании языка, гендер как фактор формирования языковой личности, гендерная вариативность картины мира, язык как средство конструирования гендера, гендерный фактор в тексте и дискурсе, гендерно ориентированная лексика, гендерная метафора и др. Однако еще многие вопросы остаются нерешенными, малоизученными или дискуссионными.

Анализ гендерных лингвистических исследований последних лет (О. Л. Антинескул, Л. В. Балакина, Е. А. Бабенкова, Т. М. Белова, М. А. Брагина, А. В. Вандышева, Е. С. Гриценко, О. Л. Козачишина, В. Б. Поповская, О. Н. Прокудина, Н. С. Соловьева, И. Е. Токарева и др.) позволил выделить в самом общем виде две ведущие группы проблем: 1) язык и отражение в нем пола (Е. А. Бабенкова, Л. В. Балакина, Т. М. Белова, М. А. Брагина, Е. С. Гриценко, Т. А. Денисова, О. Л. Козачишина, Н. С. Соловьева, И. Е. Токарева и др.): описываются различные языковые структуры (лексика, синтаксис, категория рода и т.п.), в которых манифестируется существование людей разного пола; исследуются особенности проявления гендера в разных типах текста / дискурса; 2) коммуникативное поведение мужчин и женщин (И. В. Коноваленко, В. Б. Поповская, О. Н. Прокудина и др.): выделяются их типичные стратегии и тактики; описываются гендерные предпочтения в выборе лексики, синтаксических конструкций в процессе коммуникации и т.д., т.е. в целом выясняется специфика мужского и женского говорения. Постепенно формируется терминосистема гендерной лингвистики (первый “Словарь гендерных терминов”, 2002). В работах методологического характера [5; 9] рассматриваются проблемы разработки общих подходов к изучению гендера в лингвистике, формулируются частные задачи исследования гендерных аспектов языка и коммуникации, излагаются перспективы научного поиска в данной области. Лингвистические исследования гендера в художественной литературе (Е. А. Бабенкова, Л. В. Балакина, М. А. Брагина, Г. В. Иванченко, О. Л. Козачишина, И. Е. Токарева, Н. А. Фатева) только начинаются и носят разноплановый характер.

Формулировка цели. В статье кратко изложены результаты гендерного исследования метафорики русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. На основе сопоставительного анализа женской (А. Ахматова, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Цветаева) и мужской (А. Белый, М. Кузмин, Б. Пастернак, И. Сельвинский) поэзии и прозы выявлены и описаны общие принципы и специфические гендерные стратегии метафорического моделирования мира в художественной литературе данного периода.

Личностные особенности мужчин и женщин в значительной степени определяются гендерной ситуацией, в которой происходит становление и развитие личности. Содержание гендерной ситуации составляет совокупность гендерных стереотипов, представляющая собой принятую в обществе гендерную картину мира, а также система социальных отношений, реализуемая в гендерных стратегиях данного сообщества в конкретный исторический период.

Особый интерес как объект гендерного изучения вызывает у ученых женская литература (Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Л. Я. Гинзбург, Л. А. Озеров, А. А. Тарасенков, Н. С. Трифонова, Л. И. Абдуллина, М. В. Михайлова, А. В. Попова, И. Л. Савкина, Е. З. Тарланова, Н. А. Фатеева и др.), анализ которой и дает возможность сопоставить и противопоставить ее мужской. Понятия “женская литература”, “женская проза”, “женская поэзия” как категориальные, а не оценочные стали употребляться только в конце 1990-х гг. Проблема существования женской литературы – поэзии и прозы – как особого литературного феномена в русской и отечественной филологии до сих пор остается дискуссионной. Под женской поэзией и прозой принято понимать произведения, написанные женщинами и отражающие женский взгляд на окружающий мир, социум, человека, который помимо общечеловеческого содержания обладает и определенной спецификой.

Отношение к женской литературе в социуме на разных этапах исторического развития представляется одинаково полярным. Так, в начале XX в. поэт-прозаик, литературный критик В. Ходасевич, давая общую характеристику женской поэзии (правда, она не касалась поэзии А. Ахматовой), отмечал ее негативные черты: “поэтика недоразвита, многое носит в ней характер случайности и каприза; она своим внутренним строением и самой формой стиха напоминает дневник, доверчиво раскрытый перед случайным читателем” [16, с. 156]. Поэт-прозаик О.Мандельштам также высказывался крайне негативно по отношению к женской литературе: “Женская поэзия является бессознательной пародией как поэтических изобретений, так и воспоминаний. Большинство московских поэтесс ушиблены метафорой” [11, с. 275]. Поэтому неудивительно, что многие женщины-поэты отвергали название “поэтесса” как ассоциирующееся с “чрезмерно возвышенными лирическими чувствами”, “постоянным страданием от любви, злоупотреблением метафорой и недостатком исторического чувства и исторической ответственности” [6, с. 161] и позиционировали себя как поэты (к примеру, З. Гиппиус, М. Цветаева), стремясь отмежеваться от женской литературы как таковой и поставить свое творчество в один ряд с мужской поэзией и прозой. М. Цветаева так мотивировала свою “антиженскую” позицию: “есть в поэзии признаки деления более существенные, чем принадлежность к мужескому или женскому полу. Женского вопроса в творчестве нет: есть женские, на человеческий вопрос, ответы” [18, с. 362]. Поэт, художник М. Волошин, напротив, признавал существование женской литературы и подчеркивал многие ее достоинства. Поэтому изучение особенностей женской поэзии и прозы представляется интересным и целесообразным, так как оно способствует установлению специфики женского индивидуально-авторского творческого мышления и выявлению характерных черт женской литературы, отличающих ее от мужской.

В настоящее время в российской лингвогендерологии сложилась определенная концепция, согласно которой резкие границы между мужской и женской речью отсутствуют, различия в моделях мужского /женского речевого поведения обнаруживаются нерегулярно, поэтому гендер, в сущности, не является определяющим

фактором коммуникации в русском языке, его присутствие в языке и речи не носит всеобщий и константный характер, хотя в тех или иных ситуациях речевого общения влияние гендера обнаруживается в предпочтении или блокировании тех или иных приемов речевого поведения (А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, Е. И. Трофимова и др.).

Исследование, результаты которого представлены в данной работе, ставило своей целью выявление гендерных различий или их отсутствия в русской литературе первой половины XX в. на уровне метафорического словоупотребления. Сопоставительное изучение метафорики русских поэтов-прозаиков А. Ахматовой, А. Белого, З. Гиппиус, В. Инбер, М. Кузмина, Б. Пастернака, И. Сельвинского, М. Цветаевой, определение особенностей метафорического отображения действительности в их произведениях позволило реконструировать метафорические картины мира женской и мужской поэзии и прозы. Вследствие этого были установлены общие принципы и специфические гендерные стратегии метафорического моделирования мира в русской художественной литературе данного периода.

1. Метафорика прозы составляет от общего числа метафор в произведениях исследуемых поэтов-прозаиков от 10-15% (в женской литературе (А. Ахматова, М. Цветаева)) до 30-40% (в женской (З. Гиппиус, В. Инбер) и мужской литературе), что определяется языковой личностью писателя – особенностями индивидуально-авторского мировосприятия и образного мышления, художественно-эстетическими принципами, принадлежностью к тому или иному литературному направлению, течению или определенным его влиянием на формирование идиостиля писателя.

2. Основу метафорической картины мира в женской и мужской поэзии составляют мегасферы “Человек”, “Социум”, “Неорганический мир” и “Артефакт” (в мужской поэзии также мегасфера “Животный мир”). Метафорическая картина мира в женской и мужской прозе базируется на мегасферах “Человек”, “Неорганический мир”, “Артефакт”. Мегасферы “Растительный мир” и “Время” не являются продуктивными источниками метафоризации в художественной литературе данного периода. Следовательно, ядро общей метафорической картины мира в русской литературе первой половины XX в. составляют мегасферы “Человек”, “Неорганический мир” и “Артефакт”, а значит, воспринимаемая действительность мыслится в категориях человека (физической, физиологической, духовной сущности) и окружающего его мира вещей и неживой природы.

3. В женской и мужской поэзии продуктивны метафорические мегамоделли “Человек → Неорганический мир”, “Человек → Артефакт”, “Социум → Неорганический мир”, “Неорганический мир → Неорганический мир”, “Артефакт → Неорганический мир”.

Метафорическая мегамодель “Человек → Неорганический мир” представлена следующими общими моделями:

1) “физические свойства человека → водные объекты > звук”: *шепчет волна* [4, с. 85]; *река лепечет* [7, с. 503]; *над говорами струй* [2, с. 46]; *речь волн* [12, с. 29]; *пена в лепете* [14, с. 294];

2) “физические свойства человека → атмосферные явления > цвет”: *седой ветерок* [7, с. 196]; *туман седовласый* [2, с. 46]; *зари румянец златист, ал* [10, с. 41];

3) “физические свойства человека → атмосферные явления > звук”: *лепеты дождя* [4, с. 222]; *дождь прошептал* [7, с. 174]; *вихрь кричит* [1, с. 98]; *голоса ветров* [17, с. 138]; *шепчется ветер с листвой* [2, с. 42];

4) “физические свойства человека → водные объекты > цвет”: *пенная проседь* [17,

с. 219]; *в седине морей* [17, с. 255]; *седая льдина* [14, с. 195];

5) “физиологические свойства человека → водные объекты > динамика”: *дыханье рек* [4, с. 152]; *дыханье океана* [14, с. 329]; *Уснула Волга. Снят ее притоки* [7, с. 453].

Мегамодель “**Человек → Артефакт**” реализуется в таких общих метафорических моделях:

1) “физические свойства человека → инструменты > звук”: *скрипок голоса* [1, с. 54]; *колокол заговорил* [1, с. 152]; *рожок говорит* [10, с. 144]; *хриплы трубы* [10, с. 88]; *закартавила труба* [14, с. 278];

2) “физиологические свойства человека → инструменты > звук”: *бессонные колокола* [17, с. 71]; *уснут колокола* [17, с. 88]; *плачет клавиш* [2, с. 170]; *рыдал рояль* [2, с. 92].

Метафорическая мегамодель “**Социум → Неорганический мир**” проявляется в общих моделях:

1) “искусство → атмосферные явления > звук”: *песни небосклона* [2, с. 201]; *воздушного напева* [2, с. 215]; *поют дожди* [7, с. 73]; *под пень вьюги* [7, с. 408];

2) “искусство → водные объекты > звук”: *поют волны* [4, с. 68]; *песнь ручья* [4, с. 87]; *певала вода* [14, с. 9].

Мегамодель “**Неорганический мир → Неорганический мир**” представлена в женской и мужской поэзии такими метафорическими моделями:

1) “водные объекты → атмосферные явления > динамика”: *волны зари* [2, с. 14]; *туманов поток* [2, с. 143]; *дуновенье струило прохладу волною* [2, с. 82]; *дым лился* [14, с. 9]; *ветра струится волна* [1, с. 222];

2) “водные объекты → физические явления > динамика”: *брызги огней* [2, с. 98]; *разольется тень* [2, с. 226]; *лился свет* [10, с. 142]; *огни растекаются* [7, с. 48];

3) “водные объекты → космические объекты > динамика”: *текут солнца и планеты* [7, с. 449]; *поток лучей* [2, с. 45]; *струи солнца* [2, с. 381].

Метафорическая мегамодель “**Артефакт → Неорганический мир**” реализуется в моделях:

1) “помещения → водные объекты > форма”: *ледник зеркальный* [2, с. 86]; *над зеркалом пруда* [7, с. 302]; *зеркало вод* [7, с. 350];

2) “одежда → атмосферные явления > форма”: *кружева вьюги* [2, с. 280]; *дождевые нити* [2, с. 46]; *мелкий дождя стеклярус* [10, с. 83]; *снежное шитье* [10, с. 144].

Следует отметить, что в женской поэзии продуктивны также метафорические мегамодели “Человек → Растительный мир”, “Человек → Человек”, “Животный мир → Человек”, в мужской – “Неорганический мир → Человек”, “Человек → Время”.

4. В женской и мужской прозе общность метафорического моделирования обнаруживается на уровне таких продуктивных мегамоделей: “Неорганический мир → Человек”, “Неорганический мир → Социум”.

Метафорическая мегамодель “**Неорганический мир → Человек**” проявляется в общей модели “водные объекты → душевные свойства человека > проявления объекта”: *волна жути* [3, с. 25]; *волна любви* [10, с. 342]; *приятное разливалось волнение* [3, с. 132]; *приливы тоски* [4, с. 326]; *прилив отчаяния* [4, с. 330].

Мегамодель “**Неорганический мир → Социум**” представлена общей метафорической моделью “физические явления → социальные отношения > проявления объекта”: *тень признания* [1, с. 340]; *тень неблагополучия* [1, с. 353]; *пламенным признанием* [15, с. 278]; *пламенное объяснение в любви* [15, с. 335].

Кроме того, в женской прозе продуктивны также мегамодели “Человек → Растительный мир”, “Артефакт → Человек”, в мужской – “Человек → Неорганический

мир”, “Человек → Артефакт”, “Неорганический мир → Неорганический мир”.

5. Моделирование общей метафорической картины мира писателя (женской и мужской поэзии и прозы) осуществляется по таким продуктивным мегамоделям, как: “Человек → Неорганический мир”, “Человек → Артефакт”, “Социум → Неорганический мир”, “Неорганический мир → Человек”, “Неорганический мир → Социум”, “Неорганический мир → Неорганический мир”, “Артефакт → Неорганический мир” (в женской литературе также “Человек → Человек”, “Человек → Растительный мир”, “Животный мир → Человек”, “Артефакт → Человек”, в мужской – “Человек → Время”).

6. Основными сферами-источниками метафоризации в женской и мужской поэзии и прозе являются:

1) мегасфера “**Человек**”: а) физические свойства человека (внешний вид: *кудри, кудрявый, морщины, румянец, седина, седой*; части тела: *глаза, голова, нога, рука, чело*; речь: *голос, говор, говорить, крик, кричать, лепет, лепетать, шепот, шептать*); б) физиологические свойства человека (физиологические процессы: *дыхание, дышать, дремать, спать, сонный*); в) душевные свойства человека (черты характера: *жадный, злой, кроткий, ласковый, ленивый, робкий, суровый, упрямый*);

2) мегасфера “**Животный мир**”: а) виды животных (птицы: *птица*; пресмыкающиеся: *змея, червяк*); б) физические свойства животных (внешний вид: *косматый, мохнатый, оперенье*; части тела: *грива, крыло, крылатый, лапы, перья, рога, хвост*; физические действия: *вой, выть, ворковать, порхать, роиться, трель, щебетание, щебетать*); в) объединения животных (объединения птиц: *стая*; объединения насекомых: *рой*).

3) мегасфера “**Неорганические мир**”: а) физические явления (световые явления: *луч, свет, тень*; тепловые явления: *огонь, пепел, пламя, пожар, гореть, гаснуть*); б) водные объекты (водоемы: *брызги, море, озеро, океан, пена*; водный поток: *волна, литься, поток, река, ручей, струя, струиться, течь*); в) полезные ископаемые (металлы: *железо, золото, медь, свинец, серебро*); г) камни-самоцветы (драгоценные камни: *алмаз, бриллиант, изумруд, рубин*; полудрагоценные камни: *бирюза, нефрит, хрусталь*; “камни” органического происхождения: *жемчуг, коралл, янтарь*);

4) Мегасфера “**Артефакт**”: а) здания (строения: *башня, храм, чертог, шатер*; строительные материалы: *стекло*; предметы интерьера: *зеркало, ковер, покрывало, скатерть*); б) домашняя утварь (посуда: *чаша*; емкости: *котел*; приспособления: *сетка, сеть*); в) одежда (головные уборы: *корона, шапка*; материалы для изготовления одежды: *атлас, бархат, кисея, лента, нити, ткань*).

7. Основными сферами-целями метафорической проекции в женской и мужской поэзии и прозе являются:

1) мегасфера “**Человек**”: а) физические свойства человека (внешний вид человека: *борода, брови, волосы, коса, кудри, ресницы, румянец*; части тела человека: *брови, глаза, голова, губы, ланиты, лицо, очи, рука, стан, тело, уста, щеки*; речь: *слово*); б) физиологические свойства человека (внутренние органы человека: *сердце*; физиологические процессы: *взгляд, взор, дыхание, смех*); в) душевные свойства человека (духовная сущность человека: *душа, дух*; чувства: *любовь, ненависть, страсть, чувство*).

2) мегасфера “**Социум**”: а) социальные отношения (социальные группы: *люди, народ, толпа*; речевая коммуникация: *беседа, разговор*; межличностные отношения: *встреча, измена, одиночество, разлука, расставание*; общественное мнение: *молва*,

слава, слухи);

3) мегасфера “**Растительный мир**”: а) виды растений (деревья: *береза, ель, сосна, тополь*; травы: *камыш, ковыль, полынь, рожь, трава*; цветы: *роза, фиалка, цветы*);

4) мегасфера “**Неорганические мир**”: а) физические явления (световые явления: *луч, свет, тень*; тепловые явления: *дым, огонь, пепел, пламя*); б) атмосферные явления (воздушный поток: *ветер*; состояние атмосферы: *воздух, закат, небо, облака, тучи; атмосферные осадки: дождь, снег*); в) водные объекты (водоемы: *вода, море, пена*; водный поток: *волна, струя*); г) космические объекты (макрокосмос: *мир, вселенная*; космические объекты: *звезды, луна, месяц, солнце*); д) земные объекты (участки земли: *земля, поле*; рельеф местности: *гора, равнина*);

5) мегасфера “**Артефакт**”: а) здания (строения: *дом, изба, сарай, церковь*); б) инструменты (музыкальные инструменты: *бубенец, клавиш(а), колокол, пианино, рояль, скрипка*); в) техника (транспорт: *автомобиль, корабль, машина, паровоз, поезд*);

б) мегасфера “**Время**”: а) свойства времени (продолжительность: *время*); б) временные отрезки (единицы измерения времени: *год, день*; время суток: *день, ночь*; времена года: *весна, зима, осень*; исторические периоды: *век, столетие, эпоха*; темпоральные характеристики объектов: *будущее, времена, прошлое*).

8. В женской и мужской поэзии и прозе наибольшей частотностью обладают метафоры: *голос, говор, лепет, шепот, говорить, шептать; седой; дыханье, дышать; сонный, спать, дремать; крылья, крылатый, стая; волны, море, струя, литься, струиться, течь; огонь, пламя, гореть*. В круг наиболее частотных слов метафорического притяжения входят: *мысль, слово; ветер, небо, облако, туча; вода, море; звезды, луна, месяц, солнце*, но самой большой частотностью обладают лексемы душа и сердце.

9. В женских и мужских стихах и прозе нередко встречаются известные метафорические формулы, отражающие стереотипы русского национального мышления: *время бежит; дни (годы) бегут; луна (месяц, солнце) глядит; дыханье моря (воды, волн); дыханье ветра; зеркало воды (пруда, озера); змея-разлука; золото волос; лепет воды; лик луны (месяца); серп луны (месяца); стекло небес; стекло воды (пруда); седой ковыль; сонный лес; свет льется; воздух (свет) струится; жизнь (время) течет; текут года (века); чаша озера*.

10. В русской женской и мужской поэзии и прозе исследуемого периода при метафоризации чаще всего используются следующие денотативно-понятийные сферы: “физические свойства человека”, “физиологические свойства человека”, “атмосферные явления”, “водные объекты” (в мужской поэзии и прозе также “социальные отношения”), которые выступают обычно как в роли источника, так и сферы-цели метафорической проекции, за исключением сферы “атмосферные явления”, являющейся в основном – сферой метафорического притяжения. Наиболее продуктивным источником метафоризации является сфера “физические свойства человека” (в мужской поэзии и прозе также “водные объекты”).

11. Образное освоение мира в русской женской и мужской литературе осуществляется в основном через зрительное и слуховое мировосприятие, так как в процессе метафоризации чаще всего используются такие семантико-когнитивные форманты, как: “динамика”, “проявления объекта” и “звук” (в женской поэзии и прозе еще “форма”, в мужской – “цвет”).

12. Метафорическая картина мира русской женской и мужской поэзии и прозы первой половины XX в. является преимущественно антропоцентричной, абиотической

и артефактной, следовательно, в метафорическом пространстве писателя доминирует человек как физический, физиологический, духовный объект и окружающий его неорганический и “вещный” мир.

Выводы. Проведенное нами гендерное исследование русской поэзии и прозы на значительном корпусе текстов в целом подтверждает позицию многих ученых о роли гендера в русском языке, согласно которой резкие границы между мужской и женской речью отсутствуют, различия в моделях мужского / женского речевого поведения проявляются нерегулярно, присутствие гендера в языке и речи не носит всеобщий и константный характер, хотя в тех или иных ситуациях речевого общения влияние гендера обнаруживается в предпочтении или блокировании тех или иных приемов речевого поведения.

Результаты реконструкции индивидуальных метафорических картин мира русских поэтов-прозаиков первой половины XX в. и выявление особенностей метафоризации в женской и мужской поэзии и прозе свидетельствуют о том, что гендер не является доминирующим фактором метафорического моделирования действительности в русской художественной литературе данного периода. Гендерные стратегии в данном случае вариативны и детерминированы языковой личностью писателя.

Перспективы дальнейший исследований. Формирующаяся в последние годы лингвистическая гендерология рассматривает гендер как некий социокультурный конструкт, который определяет речевое поведение личности в социуме, обусловленное его половой принадлежностью, и изучает такие проблемы, как роль гендера в формировании языка, гендер как фактор формирования языковой личности, гендерная вариативность картины мира, язык как средство конструирования гендера, гендерный фактор в тексте и дискурсе, гендерно ориентированная лексика и др., разработка которых будет способствовать установлению специфических и общих черт гендерной идентификации языковой личности. В настоящее время намечены отдельные направления изучения гендерных аспектов языка и коммуникации на материале русского и других языков, которые в дальнейшем могут стать относительно самостоятельными отраслями лингвистической гендерологии. Однако многие вопросы по-прежнему остаются нерешенными или дискуссионными и требуют их дальнейшего исследования.

Л и т е р а т у р а :

1. *Ахматова А. А.* Узнают голос мой... : Стихотворения. Поэмы. Проза. Образ поэта / сост. Н. Н. Глен, Л. А. Озеров; вступ. ст. Л. А. Озерова / А. А. Ахматова. – М. : Педагогика, 1989. – 608 с.
2. *Белый А.* Избранное / А. Белый. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1996. – 446 с.
3. *Белый А.* Избранная проза / сост., вступ. ст. Л. А. Смирновой / А. Белый. – М. : Советская Россия, 1988. – 464 с.
4. *Гиппиус З. Н.* Сочинения : Стихотворения. Проза / Сост., вступ. ст. К. Азадовского, А. Лаврова / З. Н. Гиппиус. – Л. : Художественная литература, 1991. – 672 с.
5. *Горошко Е. И.* Языковое сознание (гендерная парадигма) / Е. И. Горошко. – М., 2003.
6. *Дорфман Л.* “Серрапионова сестра” Елизавета Полонская и критическое восприятие “женской лирики” // Преображение. – 1996. – № 4. – С. 46-53.
7. *Инбер В.* Собрание сочинений : в 4-х т. – Т. 1. Стихотворения и поэмы / В. Инбер. – М. : Художественная литература, 1965. – 574 с.
8. *Инбер В.* Избранная проза / В. Инбер. – М. : Художественная литература, 1971. – 512 с.
9. *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты / А. В. Кирилина. – М., 1999.
10. *Кузмин М. А.* Стихи и проза / сост., вступ. ст. Е. В. Ермиловой / М. А. Кузмин. – М. : Современник, 1989. – 431 с.
11. *Мандельштам О.* Сочинения в 2-х т. – Т. 2. Проза. Переводы / О. Мандельштам. – М. : Художественная литература, 1990. – 462 с.
12. *Пастернак Б.* Избранное : в 2-х кн. – Кн. 1. Стихотворения и поэмы / Б. Пастернак. – М. : Просвещение, 1991. – 254 с.

13. Пастернак Б. Избранное : в 2-х кн. – Кн. 2. Проза / Б. Пастернак. – М. : Просвещение, 1991. – 208 с.
14. Сельвинский И. Л. Стихотворения. Царевна-Лебедь / И. Л. Сельвинский. – М. : Художественная литература, 1984. – 383 с.
15. Сельвинский И. Собрание сочинений : в 6-ти т. – Т. 6. О, юность моя! / И. Сельвинский. – М. : Художественная литература, 1974. – 510 с.
16. Ходасевич В. Колеблемый треножник : Избранное / под ред. Н. А. Богомолова / В. Ходасевич. – М. : Сов. писатель, 1991. – 688 с.
17. Цветаева М. И. Избранное / М. И. Цветаева. – М. : Просвещение, 1990. – 366 с.
18. Цветаева М. Сочинения : в 2-х т. – Т. 2. Проза. Письма / М. Цветаева. – М. : Художественная литература, 1988. – 638 с.

У статті подано результати гендерного дослідження метафорики російської поезії та прози першої половини ХХ ст. На основі зіставного аналізу творів Г. Ахматової, З. Гіппіус, В. Інбер, М. Цветаєвої, А. Белого, М. Кузміна, Б. Пастернака, І. Сельвінського виявлено й описано загальні принципи та гендерні стратегії метафоричного моделювання світу в художній літературі цього періоду.

Ключові слова: метафора, метафорична модель та мегамодель, метафоричне моделювання світу, гендер, жіноча та чоловіча поезія і проза.

The results of gender research of metaphors of Russian poetry and prose of the first half of the XX century are set forth in the article. On the basis of contrastive analysis of the works by A. Ahmatova, Z. Gippius, V. Inber, M. Tsvetayeva, A. Belyi, M. Kuzmin, B. Pasternak, I. Selvinskiy the general principles and the gender strategies of metaphoric world modelling in artistic literature of this period are revealed and described.

Keywords: metaphor, metaphorical model and megamodel, metaphorical modelling of the world, gender, feminine and masculine poetry and prose.

Крыжан В. С.
Горловский государственный педагогический
институт иностранных языков

ПАРАМЕТРЫ ЯВЛЕНИЯ ГРАММАТИКАЛИЗАЦИИ В ЭТИМОЛОГО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ГНЕЗДЕ С ВЕРШИНОЙ *uēlktī

Статья посвящена анализу процесса грамматикализации на материале дериватов исследуемого гнезда слов. Этот процесс интересен, прежде всего, своей синкретичностью: он имеет отношение как к области словообразования и морфемике, так и к области грамматики. Сделаны выводы относительно особенностей указанного процесса.

Ключевые слова: этимолого-словообразовательное гнездо, принцип ахронии, грамматикализация.

Целью данной статьи является выявление и анализ процесса грамматикализации на материале дериватов исследуемого гнезда слов. Этот процесс интересен, прежде всего, своей синкретичностью: он имеет отношение как к области словообразования и морфемике, так и к области грамматики.

Наши заметки не являются абсолютно новыми: достаточно подробное описание данного явления уже было предложено рядом авторов (Е. А. Василевской, Н. В. Дьячок). Оригинальным представляется исследование процесса грамматикализации относительно элементов этимолого-словообразовательного гнезда с вершиной *uēlktī.

Этимолого-словообразовательное гнездо – это “совокупность этимологически однокоренных слов, связанных отношениями производности” [3, с. 22]. Вершиной гнезда